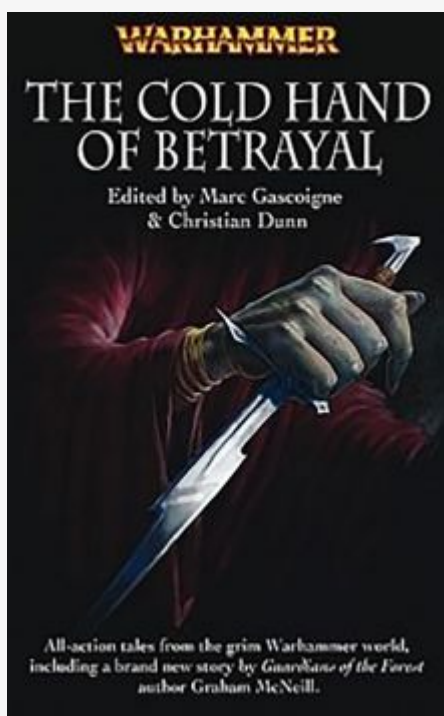

Сын Империи / Son of the Empire (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Сын Империи / Son of the Empire
(рассказ)

Автор	Роберт Аллан / Robert Allan
Переводчик	Хлопец с Ультуанщины
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Холодная рука предательства / The Cold Hand of Betrayal (сборник)
Источник	Холодная рука предательства / The Cold Hand of Betrayal (сборник)
Год издания	2006
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Дорогая Шаллия, богиня сострадания, даруй мне свою защиту.

Светлая богиня, молю тебя, защити невинных.

Избавь их от страданий и зла.

Великодушная богиня, пусть нечестивые узрят свет твоей праведности.

Всепрощающая богиня, дай мне своей силы и услышь мои мольбы.

Добрая богиня, мать милосердия, мать исцеления, мать чистоты, я взываю к тебе.

Сострадание ведёт к праведности.

Последний отзвук голоса унесло теплым лесным ветерком. Он еще вильнул, и, наконец, затих.

Банда мародёров заполнила край поляны отвратительным пятном, один взгляд на них заставлял желчь в его желудке подниматься.

Северяне были большими. Мускулистые дикари были одеты в замызганные, пропитанные кровью лохмотья и шкуры, усиленные бронзовыми пластинами и усеянные кожаными ремнями, их вид охладил бы самые горячие сердца. Они стояли среди угрожающих зарослей проржавевших стрел, запачканных кровью копий и зазубренных мечей. Мрачные знамёна, состоящие из заляпанных чем-то тряпок и покрытых кожей кусков мяса, колыхались на ветру. На знамёнах, посвященных Разрушительным Силам, были намалёваны символы, от вида которых неиспорченные Хаосом чувствовали тошноту и боль в глазах

Четверо еретиков сидели верхом на неуклюжих, похожих на лошадей, существах с покрытыми пеной ртами и злобными красными глазами, рядом с ними свора крупных рычащих гончих натягивала смазанные цепи, удерживающие их на расстоянии. Каждое существо было намного больше человека, покрыто густой, смердящей шерстью, спутанной и заляпанной человеческой кровью. Они выли и рычали, рвались с цепи к сжавшимся детям, запах невинности приводил злобных существ в бешенство.

Дети.

Он глянул назад и ряд безмолвных лиц встретил его взгляд, невинных и чистых. Маленькие дети и жрица сжались возле маленького деревянного хосписа, его беленые стены поблёскивали под листовым куполом. Дети стонали и дрожали, пряча лица в складках бесцветного женского одеяния. Когда она ответила на его взгляд, её пронзительные глаза сверкнули, говоря о жгучей, полной решимости энергии, которая совершенно не соответствовала её изъеденному оспой облику.

- Вы спасёте нас, храбрый воин? - спросила она, в её ослабленном голосе слышалась боль.

Он тряхнул головой и повернулся, чтобы еще раз посмотреть на банду, его пальцы сжались на древке копья. Знамя, обёрнутое вокруг древка, трепетало на тёплом ветру, сказочная пантера из Арабии, вышитая на тонкой ткани, казалось, собиралась встать на дыбы и бить, страстно желая разорвать противника

- Еретики, - прорычал он, его глаза горели яростью.

К его сильному удивлению, собравшиеся воины хаоса не обращали на него внимания, и это только разжигало гнев в его благородном сердце. Некоторые из злодеев смеялись и шутили между собой, совершенно пренебрегая присутствием Рыцаря Пантеры. Остальные толкались и ворчали, с вожделием глядя на невинных позади него жадными, злобными глазами.

И всё же, они даже не попытались двинуться вперёд. Они будто бы ждали чего-то.

Ждали его.

- Молитва, - прошептала позади него молодая женщина, как если бы почувствовала его замешательство. Он глянул назад на маленькую группу невинных, в голове крутились мысли.

- Я помолюсь за вас, мой лорд. Это Шаллия привела вас сюда. Я молила о спасении. Я просила богиню спасти нас, и она ответила.

Она подняла голову и кивком указала в сторону воинов хаоса.

- Они не видят вас так, как я вижу. Они слепы к присутствию кого-то столь праведного.

Улгот отстранился, когда услышал это, замешательство вопило в его разуме, словно баньши. Он снова вернул своё внимание еретикам, его глаза сузились.

Мародёры продолжали хрипло переговариваться между собой, совершенно равнодушные к его присутствию.

- Шаллия - это олицетворённая доброта, господин, - продолжила жрица, чувствуя его смущение. - Она способна усмирить самые тёмные души, но только на короткое время. - Она медленно склонила голову, как если бы этот жест причинял ей физическую боль. - Я молила о свете, что прогонит тьму. Вы - тот свет.

Он тряхнул головой, обнажив зубы. Воин немного успокоился в присутствии почитателей хаоса, его напряженные мышцы слегка расслабились, хотя гнев и отвращение остались. Шепот жрицы продолжал звучать в его сознании.

- Это Шаллия привела вас сюда. Они не видят вас, как я вижу. Она способна усмирить самые тёмные души.

Вы - тот свет.

Он почувствовал, как стянулось его лицо, когда чувства потоком вернулись, будто благодаря упоминанию святой Шаллии, богини милосердия.

- Я...

Он остановился, неспособный оторвать взгляд от собравшейся мрази. Сбившееся с ритма, дезориентированное, его сердце продолжило тяжело биться в груди.

- Я Улгот, Рыцарь Пантеры. Чемпион Империи, - сказал он, наконец, представившись леди, как сделал бы любой вежливый рыцарь.

Жрица Шаллии слабо улыбнулась, услышав это. Когда она кивнула, её покрасневшие глаза сузились от боли. - Улгот, чемпион Империи. - Повторила она всё с той же улыбкой, её голос дрожал. Дети вокруг неё, явственно напуганные ситуацией, визжали и всё сильнее прижимались к ней в складках её грубого одеяния. Тихо, нежно, шепотом она утешала детей, её негромкие слова практически сразу успокоили их.

- Я Рея, лорд, - продолжила молодая женщина, прижимая детей к груди. - Я служительница Шаллии, лекарь. Я руковожу этой скромной больницей, лечу детей, больных красной оспой, здесь, в пограничных землях.

- Оспа подчинила себе эти земли, сир рыцарь. Шаллия даровала мне силу лечить детей, хотя каждый акт милосердия должен быть совершен через жертву. Моё собственное здоровье – такая жертва. Я умираю.

Улгот обнаружил, что пятится от одного упоминания красной оспы, испытывая ужас в присутствии больной женщины. Позади него заволновались мародёры, практически потеряв терпение.

- Спешите, сир, - он услышал, как зарыдала Рея, её слабый голос звучал устало и разбито. - Я боюсь, что результаты молитвы сойдут на нет в любой момент. Я боюсь, что темнота может вернуться.

Его лицо напряглось. Детали того, что с ним сейчас происходит больше не имели значения. Он понял, что начинает осознавать главное. Каким-то образом Шаллия привела его в это место ужаса и кровопролития, в этот лес на северных границах Империи. У него есть цель здесь, это было более, чем ясно.

Этого было достаточно.

- Не бойтесь, моя леди. Шаллия сделала мудрый выбор. Пока я дышу, эти подонки не сделают то, что хотят, с вами или вашими подопечными.

Он мог чувствовать, как праведная ярость начала подниматься глубоко внутри него, как живая сущность, олицетворение гнева и отвращения, связывающих его с богами. Каждая поганая мразь перед ним ощутит ярость Улгота.

Теперь он слышал этот сброд, как они смеялись и шутили между собой, насмехаясь над ним своим пренебрежением. Он заставит их заплатить за это.

- Что такое? Твой интерес к этой сучке-жрице пропал после того, как ты рассмотрел её изъеденную оспой рожу? - Он вздрогнул, услышав это, его голова медленно повернулась к собравшимся врагам.

Сказавший это воин был здоровенным дикарём, его массивное тело было обёрнуто в шкуры звероловов и выделанную кожу человеческих врагов. Голова была покрыта массой густых седеющих волос, спутанные локоны висели вокруг покрытого шрамами лица, завитые в косицы и стянутые в узлы.

Единственный оставшийся глаз еретика блеснул, когда он заметил реакцию Улгота, губы растянулись в широкой усмешке. Остальные вокруг закричали в одобрении, услышав это, какофония улюлюканья и громкого хохота снова поднялась в толпе, подстёгивая варваров к дальнейшим оскорблениям.

- А, возможно, женщины не в твоём вкусе, больные или любые другие! - гигант гаркнул, почерневшие зубы обнажились в злобной ухмылке. - Может, тебя больше не привлекает смертная плоть! Теперь я понял! Я понял, ты жаждешь прикосновение демона, да? - Остальные снова разразились диким хохотом.

Улгот вздрогнул от ярости, его лицо побагровело. Ни один верный воин Империи не смог бы стерпеть подобных оскорблений от последователей Разрушительных Сил. Он бросился вперёд, его пальцы снова сжались вокруг древка копья. Некоторые из тех, кто был перед ним, казалось, обратили на это внимание, когда он приблизился, их злобные ухмылки начали увядать, сменившись выражением заинтересованной неуверенности.

Ему уже было всё равно, теперь им завладел праведный гнев.

Рыцарь перешел на бег и отвёл руку назад, крик абсолютной непримиримой ярости сотрясал его сильно напряженное тело. Он выбросил бронированную руку вперёд и метнул копьё, направив его в шею осквернённого боевого коня с такой безудержной силой, что животное взвилось на дыбы, крича и

отбиваясь.

Воин упал на землю, тогда как существо упало на мародёров позади, заставив их разбежаться, чтобы не быть раздавленными. Пронзительный свист поющего обнаженного металла разрубил воздух, когда Улгот подошел к упавшему воину, ревущему как сумасшедший, пока тот доставал свой меч. Он упал на одно колено и направил свой меч вниз в закрытую шкурой грудь мародёра, сжав обе руки на рукояти. Крики и вопли потрясенного удивления поднялись от остальной толпы, когда они увидели смерть товарища, а спустя удар сердца он сменился на всеобщий гортанный возмущенный рык.

Униженные берсерки, казалось, только теперь начали понимать, что произошло. Внезапная волна враждебного движения прошла сквозь северян в ответ на внезапную атаку, шок медленно, но уверенно сменялся возмущением.

Улгот поднялся, его глаза с расширившимися зрачками выглядели пугающе, покрытое потом лицо дрожало от праведной ярости. Он протянул руку и начал медленно поворачиваться на пятках. Рыцарь держал меч перед собой в угрожающем жесте, его серебряный доспех блестел от крови еретика.

- Слушайте меня, трусы! Ваши бесчинства подошли к концу. Вы больше не будете опустошать леса Империи. Я Улгот, Рыцарь Пантеры, воин внутреннего круга. Во имя Зигмара, клянусь, что увижу, как каждый из вас, шлюхиных сынов, обагрит мой клинок еще до захода солнца!

Мародёры завывали, когда услышали это, доведённые практически до безумия ненавистью, пылающей в их черных сердцах. Море ржавых копейных наконечников всколыхнулось в его сторону, оно звенело и качалось, двигаясь вперёд.

Улгот взмахнул щитом перед собой и сбил оружие в сторону, а следом, запаздывая на удар сердца, прошел его поющий клинок. Несколько копейных наконечников звякнули и упали, отсечённые острым лезвием. Он воткнул каблуки в землю, когда почувствовал, как несколько заточенных шестов врезались в толстую броню его доспеха, но он не волновался. Этот великолепный доспех был неуязвим для этого порченного, ржавого оружия.

Он снова ударил в ответ, отбрасывая копейщиков бурей широких размахистых выпадов. Северяне кричали и падали, кто-то рассеченный ровно надвое, кто-то хватался за распоротый живот или кровоточащие обрубки. Головы катились, гортани булькали, и через несколько мгновений Улгот оказался стоящим в центре небольшой чистой площадки, вокруг были разбросаны окровавленные тела.

Море покрытых шрамами, пропитанных скверной лиц уставилось на него, налитые кровью глаза расширены от шока, горло перехватило от недоверия. Он поднял щит к груди и выставил меч вперёд, его дикие глаза встречали каждое лицо по очереди.

- Зигмар укрепляет мою душу! Мирмидия ведёт мою руку! Могучий Ульрик поддерживает огонь моей ярости. Боги лично дали мне свою силу, мрази! Кто следующий испытает моё мужество? Кто следующий бросится на мой клинок?

Стук копыт разнёсся по лесу, когда всадники начали окружать место действия, их грубые крики проникали через окружающие деревья, когда они перебороли свой шок. Он отшатнулся и охнул, когда пара свистящих стрел поплыла к нему и поднял свой щит, останавливая их расщепившимся деревом.

Перед ним два больших грубых дрессировщика невразумительно зарычали и бросили тяжелые цепи на землю, отпрянув после того, как освободили лающих гончих.

Громадные истекающие слюной звери не двигались. Они выли и скулили, отказываясь атаковать. Их звериные глаза блестели диким страхом, когда они смотрели на храброго рыцаря. Снова и снова они бросались вперёд, только чтобы повернуть назад, скуля и подвывая в испуганном ошеломлении.

Погонщики громко ругались и хлестали своими жестокими хлыстами с колючками по покрытой густым мехом стае, разгневанные их нерешительностью.

Улгот бросился вперёд на них, не страдая подобной неуверенностью. Его блестящий клинок сверкнул слева направо, когда он прорубил себе путь сквозь звериные тела, каждый удар срубал очередного зверя. Гончие отвечали, пусть и неохотно, похожие на тиски пасти хватали, когтистые лапы с силой били воина, но их усилий как будто не было. Существа бледнели перед рыцарем, падая, как листья на ветру.

Он резко повернулся, и увидел, что жрица смотрит, всё еще не двигаясь с места. Её губы двигались быстро и бесшумно, как если бы она шептала молитву. Без сомнения, именно она ответственна за замешательство похожих на собак монстров. Он пообещал себе, что он не позволит её действиям пропасть зря.

Он резко развернулся на каблуках и махнул мечом перед собой, сняв две головы с погонщиков одним могучим ударом. Когда тела уже упали на колени в брызгах крови, он почувствовал, как предательские стрелы воткнулись в него, неожиданная атака сбила дыхание, но только на мгновение. Горячие пальцы боли вонзились в грудь и плечо, места, где зловредные снаряды смогли пробить броню.

Он не упадёт. Он не пошатнётся. Вокруг поднимались крики и вопли безумной жажды крови, именно они укрепили его решимость и удержали на ногах

Он посмотрел вперед и увидел стену кричащей, воющей злобы, несущейся к нему, бурю вопящей дикой ненависти. Берсерки хаоса, безумные в своей жажде крови, которая подпитывалась от дрожащего знамени, развевающегося на ветру позади него.

Глаза Улгота оторвались на секунду от бегущей шайки, и он посмотрел на эту искаженную и злобную вещь, его колыхающуюся кожаную поверхность, в которой ясно ощущалась тлеющая ненависть.

Семеро вопящих выродков обрушились на него в центре прогалины, буря шипованных цепов и оканчивающихся лезвиями цепей, рты с потоками слюны и татуированные тела. Вонь пота и крови обожгла его ноздри, когда он приготовился отразить атакующих.

Позади него жрица начала тихо и неторопливо шептать, её слова потонули в общем шуме. Это было, как если бы ему пел ветер, истинное дыхание Шаллии проходило сквозь его тело, он поднял глаза и ужасный вой почти мгновенно затих.

Он с изумлением смотрел, как обезумевшие воины спотыкались, их рты медленно закрылись, их шатающееся продвижение остановилось. Они застряли все, как один, как будто их накрыла волна спокойствия, вокруг их ног танцевала земля и опавшие листья, огонь в их глазах внезапно потускнел.

Пальцы, державшие оружие, разжались, цепи звякнули, клинки с грохотом упали на пол. Обнаженные груди продолжали вздыматься, как если бы черные сердца внутри ещё не осознали внезапную бесполезность своих усилий. Жрица, Рея. Это была её работа, должна была быть.

Он зарычал и бросился к шатающимся берсеркам, поднимая свой окровавленный меч высоко над головой, чтобы опустить его вниз на мощное плечо ближайшего воина. Мужчина вскрикнул, когда

клинок вонзился глубоко в его плоть. Удар бросил северянина на колени, а брызнувшая кровь окрасила чужеземные меха Улгота красным.

Смерть их товарища, казалось, расшевелила ошеломлённых воинов, они напряглись, их потухшие глаза вспыхнули.

Улгот освободил свой клинок и срубил другого берсерка быстрым поворотом, отправив его покрытую шрамами, бородатую голову, крутясь, к остальным.

Где-то позади себя он почувствовал, как святотатственная сила штандарта вспыхнула и засияла, посылая свежую волну обжигающей ярости на оглушенных безумцев. Волна кипящей злости прошла через него, и он вздрогнул, ощутив коварное прикосновение разрушительных сил.

Воины хаоса завывали и встряхнулись, снова воодушевляясь. Быстрый и мощный удар обрушился на его щит, за ним последовали еще и еще. Он повернулся и ответил ударом, отсекая ладонь с державшим его оружием от руки владельца.

В ушах начало звенеть от безумных завываний и криков воинов, когда очередной удар тяжело опустился на его щит, разнеся плотное крашеное дерево в щепки. Он бросил остатки раздробленного дерева в голую шею нападающего и взвыл, когда что-то большое и тяжелое впечаталось в золотой, похожий на голову кошки, шлем на его голове. Он снова зашатался, но не подвёл своих богов.

На глаза Улгота опустилась красная ярость, кипящая, практически осязаемая злость, ревела в его ушах и сотрясала израненное тело. Он только смутно сознавал как вибрировала его грудная клетка, когда издал вопль невыносимого гнева, грозный звук был не более, чем белым шумом в его ушах.

Он рванул вперед в бурю движущихся тел, размахивая мечом над головой по широкой дуге. Обрывки гладкого меха и плотной ткани укрывали его, когда он двигался, используя бронированную руку, чтобы парировать удары рычащих воинов. Его открытое лицо было искажено гневом, зубы обнажились, широко раскрытые глаза затуманены.

- Неверные! Еретики! Ваши испорченные души будут истекать кровью в ожидании, когда Морр найдёт вас возле своих врат.

Он потерялся на мгновение, глаза затуманились, а потом ярость, свивавшаяся внутри, была спущена с привязи. Крики боли ворвались в его уши, когда он бросился вперёд, нанося удары и крутясь, размахивая мечом вокруг себя в дикой, неконтролируемой буре возмездия. Удары дождём сыпались на его броню, впрочем, он едва замечал их, погруженный в незамутнённую ярость.

Следующее, что он ощутил, это земля под его спиной, выбившая дыхание из лёгких. Мокрые останки безумных воинов были разбросаны вокруг него, не более чем скрученные и истекающие мешки костлявой плоти, изломанные, кровоточащие и мёртвые. Когда ярость начала испаряться, он начал ощущать свои раны, тупая боль постепенно росла, в ушах зашумело.

Вопли недоверия, которые поднялись от выживших мародёров, сейчас звучали откуда-то издалека. Полог черноты начал опускаться на его глаза, яркий солнечный свет, проходящий сквозь кроны деревьев, тускнел с каждым ударом сердца. Не имело значения, как сильно он пытался, он понял, что не может поднять даже голову, не говоря уже о мече, всё еще зажато в руке.

Земля под ним дрожала под весом кружащих боевых лошадей, их удивлённые наездники всё еще, казалось, не были уверены в том, что делать дальше, копыта и чёрные стройные ноги мелькали перед

его тухнувшим взором.

- Милосердная богиня, излечивающая мать, я взываю к тебе снова. Дай свою силу этому израненному рыцарю. Забери его боль и смой с него усталость. Вдохни жизнь в его опустошенное тело еще раз, чтобы он смог продолжить борьбу за твоё дело.

Он вздрогнул. Где-то в глубине его разума он снова мог слышать нежный голос Реи, такой мягкий и умиротворяющий, как музыка и, в то же время, он был громче, чем любой другой звук вокруг него.

В то время, как она продолжала молиться, он почувствовал, как её чары омывают его, словно тёплая волна, притупляя боль, поразившую тело. Кровь в его венах превратилась в пламя, полная оживляющего тепла волна, казалось, мгновенно воспламенила каждую мышцу. Он мог поклясться, что он чувствовал объятия богини. Руки, нежнее, и, в то же время, сильнее, чем любые, которые он когда-либо ощущал, обняли его и вдохнули в него силы, подняли его израненное, забрызганное кровью тело и поставили на ноги.

Он открыл глаза и обнажил зубы, когда глянул на лицо изумлённого мародёра, ржавый топор воина находился на расстоянии дюйма от его лица. Еретик на лошади в шоке отшатнулся, когда Улгот поднял свой меч, выбросил руку вперёд и проткнул воина, эта внезапная атака заставила испуганное животное встать на дыбы и сбросить пронзённое тело на землю.

- Ни один из вас не уйдёт от моего гнева! - Закричал он, не обращая внимания на стрелы, вонзившиеся в него, пока он доставал свой меч.

- Вы всё ответите передо мной! Вам стоило бы просить Шаллию даровать вам милосердие, которого от меня не увидите!

Он смотрел, как паникующие мародёры натянули вожжи, поворачивая своих коней. Когда знаменосец и два лучника начали отступать, он поднял упавший топор из руки мёртвого воина возле него и швырнул, выбив одного из неудачливых лучников из седла.

- Ваши судьбы были решены в тот момент, когда вы начали войну с Империей! Вы не избежите возмездия!

С мечом в руке он схватил вожжи чёрной лошади и забросил себя на её спину, не обращая внимания на боль, которая снова начала охватывать тело. Он развернул существо и всадил пятки в бока, теперь неостановимый.

Через несколько мгновений он догнал лучника и его глаза задержались на богохульственном знамени впереди, он взмахнул мечом в руке и разрубил шею мужчины, проезжая мимо, оставив клинок и его жертву позади.

- Бегите к краю мира, если можете, служители скверны! Я буду сразу за вами!

Выживший мародёр бросил взгляд назад и охнул, его покрытое шрамами лицо дрожало. Северянин повернулся и начал кричать на своего скакуна, подгоняя его, знамя было свёрнуто и лежало на плече.

Всадник и конь продвинулись не более, чем на несколько шагов среди деревьев, когда что-то оказалось позади, равнодушный сокрушительный вес давил мародёру на спину.

Бронированные пальцы сомкнулись вокруг его шеи, и он вскрикнул, хватаясь за меч, прикрепленный к его поясу. Холодные бронированные, мокрые от крови пальцы закрыли ему рот.

Красная пелена опустилась Улготу на глаза, когда он почувствовал, что падает с запаниковавшего скакуна, крепко сжимая мёртвого мародёра. Ужасный гортанный крик заполнил его уши, встряхнув его до самого нутра. Воздух вокруг него, казалось, вспыхнет от черной ненависти, упавшее знамя возле него дрожало и билось, словно боролось с его отчаянной хваткой. Кроны вверху как будто дрожали и корчились, каждая ветка была словно мотающийся кулак багряной ярости. Небеса вверху были алыми, цвета пролитой крови. Ветерок превратился в бурю, сдирающий кожу ураган горячего, наполненного серой ветра, который завывал, ранив незащищенное лицо. Он почувствовал свои пальцы вокруг вибрирующей тряпки и начал рвать её, не обращая внимания на вызывающую тошноту вонь его собственной горящей плоти, когда пальцы перчаток начали раскаляться докрасна.

- Воин?

Он вздрогнул, далёкий, успокаивающий голос раздался внутри его разума.

- Воин? Открой свои глаза.

Он сделал так и свет мира ринулся в него, мучительная боль пришла на один удар сердца позже. Всё было настолько ярким, слишком ярким, чтобы терпеть. Вершины деревьев теперь были немногим больше, чем тёмные тени, неясные и злобные против яркого, слепящего солнечного света. Непереносимая боль текла сквозь него, её жестокие зазубренные пальцы сомкнулись вокруг его истерзанного тела.

Без малейшего усилия он поднял свои одетые в перчатки руки к лицу, жгучая боль заставила его губы раздвинуться, обнажая зубы. Они были черные и сгоревшие, как если бы он держал их в жаровне, металл и кольчуга перекручены и черны от тлеющей сажи.

- Отдохни, храбрый воин, ты победил.

Боль потускнела почти полностью, и он повернул голову чтобы увидеть, как жрица опустилась на колени рядом с ним, её хрупкий стан был окружен льющимся светом. То, что осталось от нечестивого знамени лежало позади неё, разорванное на мелкие куски, его нечистая сила была изгнана. Рея бегло осмотрела его распростёртое тело, её руки замерли над перекрученной и покоробленной путанице брони. Она тихо вздохнула.

- Ты разорвал нечистое знамя на части своими руками. Это было слишком, даже для тебя. Ты умираешь.

- Она остановилась на мгновение, повернувшись, чтобы посмотреть на детей, пока они бежали к ней и начали оттащить разорванные остатки почерневшего штандарта подальше, чтобы избавиться от него.

Когда она убедилась, что дети убралась на расстояние слышимости, она вернула своё внимание к умирающему мужчине, её мягкие глаза были наполнены жалостью.

- Нечистый пантеон - завистливые хозяева, воин. В конце они всегда предают тех, кто служит им. Всегда.

Он почувствовал, как вдох застрял в его горле, когда Рея заговорила. Верхушки деревьев казались утонувшими глубоко в небесах вокруг женского лица, её присутствие вызвало внезапную волну отвращения и воспламенило кровь. Облегчающий покой, притупивший его боль, начал утекать, развеянный нарастающим гневом в его душе.

Он попытался двинуть своё изувеченное тело, но понял, что не может, его раны слишком серьёзны.

- Теперь отдыхай. Это всё, что я могу, чтобы унять боль. Покойся в мире. Шаллия показывает своё милосердие всем, воин, даже тем, кто больше не может вспомнить, каково это - сочувствовать и сострадать.

Её слова были не более, чем жужжанием в его ушах, он чувствовал, как его сердце грохочет в груди, события прошлого как шелуха сходили с его колеблющегося разума.

Он чувствовал, как его освобождающаяся душа дрожит от отвращения, когда он вспоминал имена богов, Зигмара и Морра, Ульрика и Мирмидии. Боги, которых он когда-то почитал, давным-давно. Боги, которых он отверг всем сердцем и душой. Боги его врагов.

Улгот, доблестный рыцарь Пантеры больше не существовал. Он никогда не существовал.

Уулгат, чемпион тёмного пантеона, поднял голову и посмотрел на своё избитое, умирающее тело. Заморский мех, украшающий его величавую броню, исчез, заменённый тлеющими останками его врагов. Его серебряная броня была матово чёрной, богатой трофеями и тотемами, посвященными четырём богам Хаоса. Даже теперь, когда чары Шаллийской ведьмы утекли, он всё равно чувствовал дрожь отвращения в душе, когда смотрел на своё исковерканное тело.

- Катись к демонам, ведьма... - прошептал он, пытаясь поднять свои почерневшие, покрытые засохшей кровью руки. Тёмная кровь начала капать с его губ, когда он заговорил, его голос был ужасным, хрипящим скрежетом. - Я плевал на твою сучью богиню и её доброхотов-магиков. Ты заплатишь за то, что заставила меня сделать, Шаллийская свинья. Клянусь в этом Тёмными Богами...

Рея вздохнула и положила руку на его грудь. В её глазах не было ни ненависти, ни отвращения, только жалость.

- Пожалуйста, пойми, я не могла позволить тебе или твоим воинам причинить вред детям. Я молила её о милосердии. Она ответила на мои молитвы через тебя. Сила и чистота милосердной богини может вымыть прочь тьму из любой души, пусть даже на короткое время. Видишь, потерянный? Ты был очищен, чист от грехов. Ты снова был собой, пусть и в последний, славный раз.

Уулгат начал сотрясаться в конвульсиях, свет вокруг начал тускнеть. Рея медленно тряхнула головой и успокоила его, нежно проведя рукой по его посеревшему, покрытому шрамами лицу. Даже когда он чувствовал, как его тело холодеет и его дыхание превращается в череду шумных вдохов, он не мог избавиться от сжигающей его душу ярости.

Он предал своих богов, хоть и под заклинанием этой ведьмы. Он перерезал своих людей, полный чужого пыла и ярости.

Он начал рычать, его обгоревшие руки трещали, когда он медленно поднимал их к шее женщины.

- Я умираю, как слугитель Хаоса. Я служил разрушительным силам при жизни и буду поступать так же после смерти. Даже твоя проклятая богиня не может изменить это.

Рея мягко и без усилий отвела его руки. - Вера, - ответила жрица, её глаза всё ещё светились всепрощением, - самое сильное оружие среди всех. Это была вера, настоящая вера, спасшая нас. Перед тем, как умереть, воин, спроси себя об этом. Где теперь твои боги? Они бросили тебя. Ты не найдёшь ни покоя, ни прощения в смерти.

- Шаллия вернула твою честь и твой пыл. Она вымыла из тебя грязь и грехи. Она подняла настоящего

воина изнутри тебя, и ты засиял, в последний раз. Ты снова засиял, словно солнце, пусть и всего на мгновение.

- Будь ты проклята, шлюха. Я надеюсь, что твоя смерть будет медленно и неспешной. Я надеюсь, что ты умрёшь, крича в агонии. Я надеюсь, что красная оспа снимет кожу с твоих парализованных костей, и сгноит твоих сопляков заживо. Будь ты пр...

Она встретила его пылающий взгляд и держала его, пока свет, наконец, не покинул его глаза и его дрожащее тело не замерло.

- Ступай с миром, - прошептала Рея, уронив единственную блеснувшую слезинку.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Сын_Империи/_Son_of_the_Empire_\(рассказ\)&oldid=9279](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Сын_Империи/_Son_of_the_Empire_(рассказ)&oldid=9279)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 08:50.